

A. Pereltsvaig. Copular sentences in Russian. A theory of intra-clausal relations. Studies in natural language and linguistic theory. V. 70. Springer: Dordrecht. 2007. xi + 161 pp.

Серия монографий, с 1986 г. издаваемых при журнале *Natural language and Linguistic theory*, большинство которых в соответствии с про-

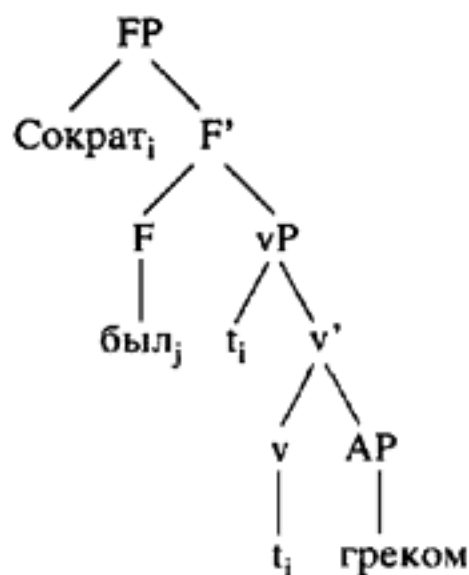
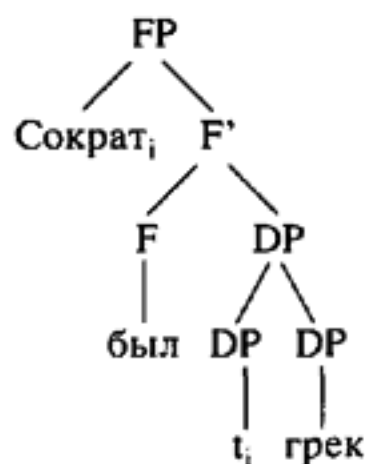
филем журнала посвящено теоретическим проблемам генеративной лингвистики на материале отдельных языков, во второй раз (после

монографии [Neidle 1988]) обогатилась исследованием по русской грамматике. Цель работы А. Перельцвайг – исследование отношений «внутри клаузы» (intra-clausal relations): структуры фразовых категорий, ролевых и падежных отношений на материале предложений со связкой в русском языке.

Центральная проблема монографии – выбор падежа именной части сказуемого в предложениях типа (1) а. *Дом был новым; Сократ был греком* и б. *Дом был новый; Сократ был грек*. Автор предполагает, что этот фрагмент русской грамматики представляет интерес для теории, так как выбор, о котором идет речь, обусловлен некоторыми принципиальными различиями в синтаксической структуре (1а) и (1б).

Книга посвящена обоснованию двух гипотез. Первая касается глагола-связки и заключается в том, что в предложениях с творительным падежом (1а) связка задает иерархически более сложную конструкцию, чем в предложениях с именительным (1б); выражаясь неформально, в (1а) связка выступает в роли полнозначного глагола, а в (1б) – в роли служебного элемента (= функциональной категории). Вторая гипотеза касается именной части сказуемого. Она предполагает, что именная часть в (1а) устроена, наоборот, проще, чем в (1б) и выражена группой существительного, или «именной группой» в точном смысле (NP), не вложенной в группу детерминатора (DP), – в отличие от (1б), где и подлежащее, и именная часть сказуемого представлены DP. Различие между DP и NP, наглядное в артиклевом языке, – если предположить, что артикль (или его дистрибутивный эквивалент) является вершиной именной конструкции, – может быть обнаружено в русском языке только по косвенным признакам. Трудноуловимое различие в семантике между падежными вариантами следует, по А. Перельцвайг, из различия в структуре.

(4) С двумя именительными: (5) Именительный с творительным:

Структура книги отражает последовательное развитие основного тезиса, сформулированного в главе 1: в главе 2 автор анализирует

А. Перельцвайг исключает из рассмотрения полусвязочные глаголы типа *являться*, так как они (кроме *называться* и *стать*) не допускают номинатива, бытийный глагол (про его отличия от связки см. в [Chvany 1975; Арутюнова, Ширяев 1983]), а также локативные, possessивные предложения и те виды сказуемых, в которых присвязочный компонент не имеет падежной формы, то есть выражен краткими прилагательными, предложными группами (*Она в хорошем настроении*) или наречиями (*Она замужем*). Предикативную связку и связку тождества автор считает одной и той же лексической единицей.

Автор разделяет ныне общепринятую в порождающей грамматике точку зрения, согласно которой глагол-связка задает малую клаузу – особый тип предикативной конструкции, лишенный полнозначного глагола. Первоначально к малым клаузам относили только зависимые предикативные выражения типа англ. (2) *I consider [Peter extremely intelligent]* 'Я думаю, что Питер чрезвычайно умен' или (3) *Could you let [the cat into the house]?* 'Не могли бы вы впустить кошку в дом?', где несложно показать, что отрезки, выделенные скобками, состоят из подлежащего и сказуемого – адъективной (2) или предложной (3) группы. В дальнейшем [Bowers 1993; Guéron, Hoekstra 1995; Мого 1997] к малым клаузам были причислены и связочные конструкции. Основной аргумент в пользу такого анализа – то, что обе синтаксические валентности связки, то есть подлежащее и именная часть сказуемого, иерархически упорядочены иначе, чем подлежащее и дополнение при полнозначном глаголе.

Структура соответствующих малых клауз постулируется следующим образом (F – первая снизу функциональная вершина связочной конструкции):

проекции существительного (NP и DP), в главе 3 обосновывается правомочность симметричных структур в синтаксисе, в главе 4 рассмат-

ривается соотношение грамматических и семантических свойств именной части сказуемого (post-copular phrase), глава 5 содержит гипотезу о причине различного падежного оформления именной части.

С точки зрения С. Эбни [Abney 1987], которую принимает автор, традиционная именная группа содержит две полные фразовые проекции: группу детерминатора (DP), возглавляемую функциональной вершиной, такой, как артикль, и собственно группу существительного (NP) с лексической вершиной. Лексические и функциональные элементы А. Перельцвайг предлагает разграничивать по их способности задавать тематические роли (thematic grid). По мысли автора, русские именные группы в некоторых случаях обладают полной структурой DP, а в некоторых представляют собой только NP («малую именную группу», small nominal), то есть лишены детерминатора и его фразовой проекции. Далее автор присоединяется к гипотезе А. Маранца, Х. Борер и др. авторов, согласно которой различие референтных и нереферентных выражений задается в функциональной, а не в лексической структуре, т.е. в категории D. Чтобы выполнять роль актанта, именное выражение должно быть DP, а в роли предиката DP, наоборот, выступать не может. Отсюда следует, что и в языке, лишенном артиклей, таком, как русский, следует предполагать наличие детерминаторов, хотя и нулевых.

Предлагаются следующие аргументы в пользу того, что присвязочные имена в разных падежах образуют разные категории. Во-первых, NOM и INSTR не сочиняются (6) **Бородин был профессором химии и композитором* // ...*профессор химии и композитором*. Во-вторых, INSTR не могут включать указательных местоимений, поскольку те принадлежат к категории D: (7) а. *Иванушка-дурачок был тот брат, который всегда попадал в беду*; б. *Иванушка-дурачок был (*тем) братом, который всегда попадал в беду*. В-третьих, выражения с числительными не могут выступать в INSTR: (8) *Олег и Иван были (*двумя) хорошими работниками*.

К сожалению, ни один из трех доводов не кажется нам убедительным. Сочинение имен с разными вариантами падежного управления недопустимо даже при совпадении категорий: (9) **Преисполнился мужеством и бодростью* vs. *Преисполнился мужеством и бодростью/мужества и бодрости*. Запрос в «Национальный корпус русского языка» показывает, что второе наблюдение неверно: (10) *Хитров рынок был тем самым прибежищем босяков... которые некогда послужили материалом для Художественного театра* (В.П. Катаев);

(11) *Эти народно-праздничные формы осмеяния и срамословия и были теми корнями, из которых выросли литературные сатирические формы* (М.М. Бахтин) и мн. др. Неверным оказывается и третье наблюдение: (12) *Для Мандельштама наука и социальная идеология были двумя разными мирами*; (11) *Он и я были двумя крупными куклами, набитыми грязной ватой и тряпками* (Набоков, «Лолита»); также примеры из Интернета: (12) *Старики были тремя местными божествами – Сумиёси, Ивасимизу и Кимано*; (13) *Оказалось, что эти десять львов на самом деле были десятью каменными львами и т.п.* Не бесспорна и негативная оценка приемлемости в (7б) и (8). Наконец, из предположения А. Перельцвайг следует, что конструкции, возможные только с NOM, не могут иметь соответствий в нефинитных оборотах, где номинативная форма сказуемого недопустима, но это неверно: (7') *быть тем братом, который всегда попадал в беду*; (14) *Другие могли быть теми его снами, которых он не помнил* (Пелевин); (15) *Груды железа, еще недавно бывшие двумя автомобилями, с грохотом рухнули вниз*.

Автор воздерживается использовать в качестве аналитического теста возможность местоименной замены (*был он* vs. *был им*), справедливо отмечая, что вопрос о месте базовой деривации (merge) местоимений в русском языке неясен (с. 28). Все же невозможность местоименной замены для большинства именных адъюнктов в русском языке типа *шел лесом* (*им), *лекция из истории* (*нее), *покупать сахар мешками* (*ими) и т.п., как кажется, заслуживает обсуждения в связи с предполагаемым различием NP и DP. Автор мог бы также обратить внимание на выражения типа *он самый* или *таковой*, которые, возможно, являются предикативными NP-проформами, не могущими выражать связанные переменные, но не DP-проформами: (16) а. *Эта невероятная чушь, даже если кто-то в нее поверит, не перестанет быть ею самою/таковой*, т.е. *невероятной чушью*, ср. б. ...*не перестанет быть собой*, где происходит связывание рефлексива определенной DP *эта невероятная чушь*.

Предложения с INSTR и NOM различаются и по последствиям инверсии: (17) а. **Свой лучший друг был Олег*; б. *Своим лучшим другом был Олег* – в инверсии (17а) автор предполагает аргументное передвижение (в SpecTP), создающее недопустимую структуру для рефлексива, а в (17б) – неаргументное передвижение (в SpecCP), более приемлемое для рефлексива в составе передвигаемой группы. Важно, что в этом отношении конструкции с INSTR ведут себя так же, как краткие формы прилагательных: (18) *Доволен собой был Олег*. Заметим,

впрочем, что рефлексив и без инверсии мало допустим в номинативной части сказуемого: (17) ??*Олег был свой лучший друг*. На материале итальянского и норвежского языков автор показывает, что и в языках с выраженными вершинами категории D (артиклями) прилагательные в составе сказуемого проявляют те же свойства, что и NP, но отличаются от артиклевых DP.

В третьей главе А. Перельцвайг бросает вызов весьма авторитетной в порождающей грамматике и поддержанной Н. Хомским [Chomsky 1995] «гипотезе антисимметрии» Р. Кейна, поскольку, согласно ее предположению, обе DP в (4) структурно симметричны относительно связки. Здесь разбираются эмпирические и концептуальные трудности гипотезы антисимметрии, в частности – необходимость постулировать слишком большое число функциональных вершин, лишенных семантического или фонетического содержания, и выдвигается гипотеза о том, что фундаментальная операция соединения (merge) может порождать симметричные структуры в том случае, когда две соединяемые составляющие обладают совпадающими признаками. В этом случае все три логически возможные способы соединения, которые рассматривает Хомский, – пересечение, объединение или выбор множества признаков каждого из соединяемых элементов, – дают одинаковый результат. В качестве примеров симметричных структур Перельцвайг упоминает, например, глагольную сериализацию или аппозитивные конструкции. Не ясно, почему здесь автор не упоминает сочинительные структуры и обширную дискуссию об их (не)симметричности, см. например [Borsley 2005].

А. Перельцвайг доказывает, что русские биноминативные предложения типа (16) не обнаруживают признаков иерархической упорядоченности подлежащего и именной части сказуемого. Под иерархией в данном случае имеется в виду асимметричная структура составляющих без учета семантических типов; в этом отличие от ориентированного на семантику подхода Е.В. Падучевой и В.А. Успенского [1979], которые делают вывод, что подлежащее в биноминативном предложении по-настоящему неотличимо от сказуемого только в предложениях идентификации.

В четвертой главе утверждается, что в конструкции с NOM предикативное имя не задает тематических ролей, а связь между подлежащим и сказуемым осуществляется через референциальную индексацию обеих DP, а в конструкции с INSTR именная часть сказуемого, наоборот, задает тематическую роль. Автор считает неудовлетворительной простую тео-

рию тематических отношений, предложенную в [Chomsky 1995], согласно которой тематические отношения устанавливаются посредством операции объединения. Вместо этого, развивая идеи Дж. Хиггинботамы, А. Перельцвайг различает несколько способов «погашения» тематических валентностей (thematic discharge), из которых ключевой интерес представляет тета-связывание, когда валентность существительного «погашается» необычным образом, а именно связывается элементом D, например, артиклем. При этом предлагается разрешить существование таких тематически не маркированных DP, которые находятся в некотором особом отношении с другой DP, например, при анафоре (19) *Жизнь, она вообще не легкая* – то, что называется в русистике «именительным темы». В конструкции NOM пара DP, находящихся в отношении кореферентности, образуют симметричную составляющую – объемлющую DP с тем же референциальным индексом, что и каждая из них. Чтобы избавиться при этом от нарушения принципа С теории связывания, автор ограничивает связывание случаями асимметричного командования.

Для предложений с INSTR предполагается, что связка в них выступает как лексическая вершина, в других терминах – однозначный глагол, обладающий тематической валентностью. Валентность прилагательного, так же как и валентность существительного, «погашается» в спецификаторе малой клаузы во взаимодействии со связкой. В отличие от глаголов (20а), но так же, как и существительные (21), прилагательные в роли сказуемых не допускают родительного при отрицании (17б): (20) а. *не белело ни одного паруса*; б. **не было бело ни одного паруса*; (21) **Ни одного ребенка не было учеником*. Стативные глаголы ведут себя в соответствии с признаковой диагностикой как «неаккузативные», и их валентность «погашается» внутри глагольной группы, но прилагательные и существительные парадоксальным образом проявляют те же грамматические свойства, что и агентивные «нсэргативные» глаголы: их валентность «погашается» так же, как агенс, то есть в позиции для внешнего аргумента. Для разрешения этого парадокса А. Перельцвайг привлекает технически сложную гипотезу, разграничивая аргументные переменные (a-variables) и тематические индексы: связка имеет аргументную переменную, но необходимый индекс получает от именной части сказуемого в INSTR.

Опираясь на длительную традицию изучения семантических различий между NOM и INSTR (А.М. Пешковский, Р.О. Якобсон, Д.Э. Розенталь, А. Вежбицка, А. Тимберлейк,

Л. Гайст и мн. др.), автор отмечает, что NOM содержит, в отличие от INSTR, презумпцию существования, за которую «отвечает» референциальный индекс DP; отсюда невозможность отрицания (22) **Никто не был мой лучший друг* (существование одновременно утверждается и отрицается). Можно, впрочем, обратить внимание на то, что при нулевой связке такие предложения возможны: (23) *Никто из них не лингвист*.

В пятой главе проводится различие между морфологическим и абстрактным синтаксическим падежом. Синтаксические падежи подразделяются на структурные, проверяемые в позиции спецификатора, и ингерентные, проверяемые в позиции комплемента при соединении составляющих. Предполагается, что номинатив в русском языке – в некоторых случаях синтаксический, а в некоторых – дефолтный падеж, возникающий в отсутствие синтаксического. Номинатив выступит вне управляющего контекста – в назывных предложениях, во фрагментах, в конструкциях «именительного темы», в роли вокатива и т.п. Обе DP в симметричной конструкции с номинативом не являются синтаксическими аргументами и поэтому получают морфологический дефолтный падеж; автор показывает, что ранее предлагавшиеся объяснения (например, согласование по падежу аргументов связки) менее убедительны. Творительный рассматривается А. Перельцвайг как дефолтный ингерентный падеж; возможно, стоило рассмотреть возможность считать его также дефолтным падежом именного адьюнкта.

Монография А. Перельцвайг представляет несомненный интерес для читателей, интересующихся теорией грамматики, и исследователей русского языка, и многие высказанные в книге идеи в области фразовой структуры, тематических отношений и теории падежа выглядят перспективными. По крайней мере одна из двух основных гипотез автора, объясняющая различие двух конструкций симметричным строением NOM и стандартным асимметричным устройством INSTR, на наш взгляд, хорошо аргументирована, хотя, возможно, технические подробности могут быть оспорены. Слабее выглядит вторая гипотеза – о DP и NP в качестве именных сказуемых, прежде всего потому, что автору не удалось предъявить убедительные аналитические доказательства различия этих фразовых категорий в русском языке.

В книге не уточнен вопрос о структуре предикативной группы прилагательного (AP) в NOM. Автор как будто рассматривает ее как DP[D AP], однако при этом невозможно объяснить, почему особые свойства прилагательных

в предикативной позиции одинаковы в NOM и INSTR, например, деидиоматизация, ср. (24) а. *золотое дно* и б. *Дно было золотое/золотым* (только в буквальном значении), или запрет на наличие комплемента, ср. (25) а. *довольный своими оценками студент* и б. *Он был довольный/довольным* (*своими оценками) [Grashchenkova, Grashchenkov 2007]. Случай несовпадения морфологических признаков в биноминативной конструкции с «классификатором» типа (26) *Итальянские студентки – народ веселый* (с. 55) представляет собой отдельную проблему (ср. *Он мужик хороший*; *Люда – девушка старательная*), требующую предварительного анализа особой структуры группы сказуемого.

В списке литературы отсутствуют некоторые важные работы [Апресян 1992; Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Junghanns 1997; Падучева, Успенский 1979; 1997; Padučeva 1979]. Отдельные предложения мало (*Ленин был Владимир Ульянов*, с. 7) или вовсе неприемлемы («датель посессора»: *Корзинка ей совсем развалилась*, *Дети ей никогда не болели*, с. 82); иногда неграмматичность приписана ошибочно (*Питер был доктор, и *Андрей тоже был доктор*, с. 100). Возможности «извлечения» из предложений с различной формой сказуемого иллюстрируются (с. 11) примерами из [Bailyn, Rubin 1991] (27) а. *Кем ты знаешь, что Саша был ___?* vs. б. **Кто ты знаешь, что Саша был ___?* Между тем (26а) неприемлемо, и для эксперимента лучше было бы взять другой тип придаточного, в отличие от предложений с союзом *что*, допускающий «извлечение»: (28) а. *Кем ты хочешь, чтобы Саша был ___?* действительно несколько более приемлемо, чем б. **Кто ты хочешь, чтобы Саша был ___?*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1992 – Ю.Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 3.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1983 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
- Падучева, Успенский 1979 – Е.В. Падучева, В.А. Успенский. Подлежащее или сказуемое? (семантический критерий различия подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // ИАН СЛЯ. Т. 38. 1979. № 4. (переп. в: Успенский В.А. Труды по неформатике. М., 2002).

- Падучева, Успенский 1997 – *Е.В. Падучева, В.А. Успенский*. Биноминативное предложение: проблема согласования связки // Облик слова: Сб. статей памяти Д.Н. Шмелева. М., 1997.
- Abney 1987 – *S. Abney*. The English noun phrase in its sentential aspect: Ph. D. dissertation. MIT. 1987.
- Bailyn, Rudin, 1991 – *J. Bailyn, E. Rudin*. The unification of instrumental case assignment in Russian // *A. Toribio et al. (eds.)*. Cornell working papers in linguistics. 9. Ithaca, 1991.
- Borsley 2005 – *R. Borsley*. Against ConjP // *Lingua* 115. 4. 2005.
- Bowers 1993 – *J. Bowers*. The syntax of predication // *Linguistic inquiry*. 24. 1993.
- Chomsky 1995 – *N. Chomsky*. The minimalist program for linguistic theory. Cambridge (Mass.), 1995.
- Chvany 1975 – *C. Chvany*. On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge (Mass.), 1975.
- Grashchenkova, Grashchenkov 2007 – *A. Grashchenkova, P. Grashchenkov*. Argument structure of Russian adjectives. Workshop on argument structure. Victoria-Gasteiz, 2007.
- Guéron, Hoekstra 1995 – *J. Guéron, T. Hoekstra*. The temporal interpretation of predication // *A. Cardinaletti, M.T. Guasti (eds.)*. Syntax and semantics. 28. New York, 1995.
- Junghanns 1997 – *U. Junghanns*. On *byr'* (and *by-ti*) // *U. Junghanns, G. Zybatow (Hrsg.)*. Formale Slavistik. Frankfurt-am-Main, 1997.
- Moro 1997 – *A. Moro*. The raising of predicates. Predicative noun phrases and the theory of clause structure. Cambridge, 1997.
- Neidle 1988 – *C. Neidle*. The role of case in Russian syntax. Studies in Natural language and Linguistic theory. V. 10. Dordrecht, 1988.
- Padučeva 1979 – *E.V. Padučeva*. Topic and focus in Russian bi-nominative sentences // *Journal of linguistic calculus*. V. 3. 1979. № 4.

Я.Г. Тестелец